

Медиевистика как ремесло и искусство: беседа с А. Г. Емановым

Дмитрий Валерьевич Байдуж[✉], Александр Георгиевич Еманов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Контакт для переписки: bayduzh@yandex.ru[✉]

31 октября 2023 г. отметил 65-летие А. Г. Еманов, профессор Института социально-гуманитарных наук Тюменского университета, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор исторических наук. Мы приводим запись беседы с известным ученым о буднях тюменской медиевистики.

Беседа состоялась 12 октября 2023 г. в Тюмени. Вопросы задавал Д. В. Байдуж, к. и. н., доцент кафедры истории ТюмГУ.

— Хотелось бы спросить, над чем Вы трудитесь сейчас как исследователь, что реализуете, какие проекты, возможно, подходят к концу, какие только начинаются?

— У меня сейчас реализуется проект Российского научного фонда¹, который посвящен такому направлению, как талассоистория. Казалось бы, нет недостатка в книгах, посвященных изучению взаимодействия человека и моря, но до сих пор все исследования проводились в двух парадигмах. Одну можно условно назвать «антропоцентричной». То есть на первый план исследований выдвигался человек с его запросами, потребностями, интересами и амбициями. Другая парадигма может быть определена как «природоцентричная». Здесь главное место в качестве объекта исследования занимала океаносфера в естественнонаучном измерении, со всеми ее вихревыми водными потоками, движениями верхних и нижних пластов морской воды, их обменом, подъемами и спадами уровня мирового океана, потеплением и похолоданием температуры морской воды, колебаниями ее солености, изменениями флоры и фауны, минеральных ресурсов и энергетики моря. Мне видится, что как для первой, так и для второй парадигмы свойственны серьезные искажения: первая недооценивает всей мощи морской стихии, вторая исключает человека. И в этом знанием разрыве предлагается новое направление — «талассоистория». Здесь объектом исследования становятся и талассосфера, море, и человек одновременно. Греческое слово «ἱστορία» изначально предполагает

¹ Еманов А. Г. 2023. Феномен морских плаваний в культурах премодерна: контракт с морем, модели и практики // Российский научный фонд (грант № 23-28-01592).

присутствие познающего субъекта, человека, для которого море открывает неисчерпаемые возможности, оно разделяет народы, но и создает уникальные перспективы коммуникации между ними, тормозит развитие одних и, наоборот, вызывает бурные прорывы других. Еще одно, не столь часто употребляемое греческое слово «θάλασσα» обозначает как раз море и отводит ему первенствующее значение, поскольку морская стихия обладает немислимой масштабностью: она более чем в 2 раза превышает сушу по площади, а по объемному пространству для жизни так и вообще в 80 раз, осваивается много медленнее (человек вышел в космос раньше, нежели достиг Марианской впадины, самой глубокой точки мирового океана); к тому же морская стихия обладает невероятной мощью, перед которой человек оказывается просто песчинкой.

— *Как Одиссей, да?*

— Да! Такой, кажется, ничтожной малостью. В общем-то, это осознание было свойственно человеку прошлых эпох. Это сегодня человек слишком много о себе возомнил: что он способен подчинить себе всё и вся, все стихии. Талассоистория задает понимание правильной иерархии: море изначально первое, значительнее, могущественнее человека, его игнорирование чревато катастрофическими последствиями не только для отдельных человеческих сообществ, но и для человечества в целом. К тому же новый эвристический потенциал талассоистории открывает признание морской стихии живой субстанцией, обладающей правами субъекта, как и человек. До сих пор к морю относились как к вещи, призванной удовлетворять утилитарные потребности человека. В целом, талассоистория очень продуктивно может разрабатываться как раз на материале Средних веков, поскольку здесь историки располагают достаточно внушительными массивами источников: письменными, вещественными, археологическими и, что принципиально важно, природными, которые только в последнее время стали входить в научный оборот.

Насколько важно понимание природных особенностей талассосферы, показывают недавние открытия в Черном море. Там в нижних слоях воды обнаруживается предельно высокое содержание сероводорода, который купирует всякую жизнь. Это же самое свойство сероводорода привело к феноменальной консервации затонувших предметов. Болгарские подводные археологи на расстоянии 250 км от болгарского побережья Черного моря натолкнулись на целое кладбище кораблей средневековой эпохи. Там обнаружены и византийские дромоны, и трапезундские хеландии, и венецианские галеры, и генуэзские навь; там были и арабские дау, и турецкие мавны; все они были великолепно сохранности. До сих пор археологи имели дело только со скелетами средневековых кораблей, то есть с килем и шпангоутами; что было на палубе, всевозможные баки, деки, надстройки являлись результатом гипотетических реконструкций. Здесь впервые представилась возможность увидеть средневековый корабль во всем его действительном объеме — с верхними палубами, мачтами, рулевым управлением, устройствами для отдачи якоря и т. п. Попытка что-либо поднять наверх приводила к разрушению; в конечном счете, сочли, что самый лучший способ — это ничего не трогать, а попробовать зафиксировать с помощью подводной видеотехники все эти конструкции и произвести их измерения.

Помимо этого, существуют мощные морские коралловые рифы, они оказались удивительным подводным архивом, в кернах которого отразились природно-климатические

изменения на протяжении столетий и даже всего средневекового тысячелетия. К этому нужно добавить ледники Антарктиды, которые сегодня рассматривают как самую совершенную ледовую хронику, зафиксировавшую изменения талассосферы в большой временной длительности, влияния на нее атмосферных осадков, извержений вулканов, солнечной радиации и других космических энергий. Как раз эти открытия последних лет и сделали возможной талассоисторию как особое направление науки. Ее следует воспринимать не в терминах междисциплинарности, или мультидисциплинарности, о чем очень много говорилось, а метадисциплинарности, когда становится возможным преодоление узких дисциплинарных границ, возвышение над ними и на этой основе достижение более объемного, более точного познания мира и его прошлого.

— *Море, смывающее любые дисциплинарные разграничения.*

— Поразительно, но это так! Как раз средневековый материал позволяет почувствовать принципиально важные изменения в талассоистории, которые невозможно обнаружить ни в древности, ни тем более в современности. Первое, что бросается в глаза, в Средние века сложилась идея контракта человеческого сообщества с морем. Уже одно это говорит о том, что море воспринималось живым, субъектом права, как и человек. Конечно же, этот особый мистический «контракт» нельзя воспринимать в современном прагматическом смысле, в терминах нынешней правовой культуры. Скорее, то был договор по типу феода, где выделялась старшая сторона, обязанная покровительством и заступничеством, и определялась младшая сторона, призванная к служению. Как раз море признавалось этой старшей стороной, а человек — младшей.

— *Как у венецианских дождей — обручение с морем.*

— Абсолютно верно! Вновь избранный дож, пожизненный глава Венецианской республики, на специально подготовленной, торжественно украшенной галере выходил в море и бросал в морские волны золотое кольцо в знак обручения. Слово «море», по-итальянски «Il mare», передавалось существительным мужского рода, т. е. оно занимало положение мужа, супруга, представляло сторону старшего; дож выступал представителем республики Венеции, слово «la Repubblica» было женского рода, т. е. Венеция представляла в этом мистическом брачном союзе женой, супругой, представляла младшую сторону.

— *Но тем не менее, если говорить о феодальной логике, там стороны обладали взаимными обязательствами.*

— Конечно! Обязанностью Венеции как добродетельной супруги было служение мужу, а долгом моря как благодетельного супруга было щедрое одаривание жены всеми доступными ему богатствами.

Поразительно, но за тысячи миль от Венеции, в крымской Кафе, сложился, судя по всему, более архаичный ритуал умилостивления моря¹. В день Богоявления (Θεοφάνια), отмечавшийся 6 января, когда вспоминалось евангельское событие крещения Иисуса Христа в Иордане, городская община словно бы жертвовала морю самое лучшее свое

¹ Еманов А. Г. 2023. Кафа как талассополиция: генезис гражданской «морской идентичности» позднесредневекового города // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 25. № 3. С. 104–105.

достояние — прекраснейших юношей, которые по благословиению греческих священников, под пение «Καλιμέρας», прославлявшее начало доброго дня, восход солнца, гладь моря, раздевались и бросались в море, затем они словно возвращались морем назад, торжественно встречались горожанами на берегу овациями, одаривались серебряными дангами Кафы. Этот ритуал призван был благоприятствовать взаимоотношениям между городской общиной и морем, должен был расположить морскую стихию к людям. Как раз в этом ритуальном действе, заново разыгрывавшемся каждый год, подтверждалось возобновление мистического договора между гражданским сообществом и морем.

— *Здесь море воспринималось еще и как крещенская купель, когда вода очищала от грехов всю общину.*

— Именно так! Море оказывалось кладезем самых разных смыслов, контекстов. Оно и страшило, и пугало, но одновременно очищало от грехов, рождало эмоции счастья; оно и — адова пучина, и — путь спасения. В самых сокровенных иконах Средневековья, например, «Исхождение из ада», считается наиболее выразительный морской нарратив: из черноты гигантской пасти морского чудовища вереницей выходят грешники под водительством Христа и направляются прямо из пучины моря к небесному царству.

При этом надо понимать, что некоторые качества, отличающие культуру модерности, впервые начали проявляться именно в Средние века. Море воспринималось как заветная мечта, в особенности море теплых, южных стран. Оно манило, магнетизировало, порождало ностальгию по утраченному теплomu материнскому лону, водному примордиальному пространству, когда человек пребывал в равновесном состоянии и гармонии. В этом интуитивном стремлении к морю скрывалось желание обрести утраченное, потерянное лоно без искушений греховного мира, мечта вернуться в первоначальное природное состояние до грехопадения.

— *«Контракт с морем» может быть понят и как ответ на глобальную экологическую повестку современности. Средневековый рецепт, как можно справиться с этими проблемами.*

— Если угодно, да!

— *Александр Георгиевич, если развивать дальше тему ваших исследований, то как методологически Вы позиционируете себя в качестве приверженца или, возможно, основоположника какого-то направления? Меня на этот вопрос навела старая дискуссия, которая была инициирована еще в 1980-е гг. Постмодернистский вызов историографии, вопросы о статусе истории, наука это, или не наука. Знаменитый тезис Х. Уайта и попытки историков, насколько я знаю, по сию пору не увенчавшиеся равноубедительным результатом дать ответ. Как Вы методологически позиционируете свои исследования?*

— Спасибо за столь остро артикулированный вопрос. Да, действительно, науку историю очень часто критикуют, ругают, откровенно третируют, может, даже и презирают за то, что в ней якобы нет ни грамма научности. Что она — вид беллетристики, плод воображения, игра ума, состязание интеллектуалов в оригинальности интерпретации прошлого, этакая забава для избранных, и одновременно — особая миссия неких моральных судей, выносящих высший вердикт событиям прошлого, вершителям судеб целых народов далеких и близких эпох. И всё же именно сегодня история становится не просто наукой,

а наукой наук, как в Средние века теология, а в античности — философия. В истории впервые становится возможным достижение точного знания, как в естественных науках, когда в ее арсенал входят ландшафтные, природные источники. Наибольшие перспективы имеют исследования историков в альянсе с биологами, географами, химиками, физиками. Примером такого успешного взаимодействия является Институт геоантропологии имени Макса Планка в Йене. Там впервые для целей и задач исторических исследований создаются Базы больших данных палинологии, где аккумулярованы образцы спор и пыльцы ископаемых растений из самых различных частей света в большой хронологической ретроспективе; они позволяют судить о рационе, структуре питания человека прошлых эпох, его гастрономических предпочтениях и отвержениях, симпатиях и антипатиях. Существуют аналогичные базы данных по морским отложениям из разных мест мирового океана; по кернам тысячелетних коралловых рифов и антарктических ледников, которые позволяют выявлять изменения климата, биоразнообразия, антропогенное воздействие на состояние окружающей среды, океаносферы. Сегодня надежно выделены климатические пессимумы и оптимумы, климатические аномалии на протяжении Средних веков, эпохи непредсказуемых экстремальных метеорологических явлений, пики сверхвлажности и сверхсухости, выявлены масштабы глобальных пандемий средневековья¹. Чего стоит только «Дантовская аномалия» 1315 г., о каковой ученые не знали еще несколько лет назад, словно бы провидчески предсказанная Данте в его «Божественной комедии», потому и названная его именем:

... дождь струится,
Проклятый, вечный, грузный, ледяной,
Всегда такой же, он всё так же длится.
Тяжелый град, и снег, и мокрый гной
Пронизывает воздух непроглядный,
Земля смердит под жидкой пеленой².

Научное направление, которое охватывает мои нынешние исследования³ [Еманов, 2023в; Еманов, 2023г; Еманов, 2023д], уже названо: талассоистория.

— Можно ли обозначить ее методологию? Имеет ли она какое-то название?

— Пока, пожалуй, можно в самом общем виде говорить о методах талассоистории, которые метадисциплинарны по своей природе, включают в себя оперирование как данными по изменениям талассосферы, почерпнутыми из природных, ландшафтных источников,

¹ Еманов А. Г. 2013. Великая пандемия середины XIV в. как финал средневековой истории // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. № 2. С. 49–55.

² Данте Алигьери. 1982. Божественная комедия / пер. со старорит. М. Л. Лозинский. М.: Правда. 640 с.

³ Еманов А. Г. 2023. Россия и циркумросская политосфера X в. // *Questio Rossica*. Vol. XI. No. 3. С. 1101–1110; Еманов А. Г. 2023г. Черноморские порты Золотой Орды по кастильской «Книге знаний всех царств» XIV в. // *Золотоордынское обозрение*. Т. 11. № 3. С. 611–635; Еманов А. Г. 2023. *Quod non iretur ad Tanam* // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 84. № 2. С. 184–189.

так и данными по трансформации поведения человека, извлеченными из самых разнообразных исторических источников, в особенности праксиологических (инструменты навигации, средства мореплавания Средних веков, корабельное оборудование).

— *То есть это направление только оформляется, оно еще слишком новое, чтобы можно было дать точное определение. А с какими предшествующими направлениями талассоистория пересекается в большей степени, ведь ничего не возникает из пустоты. Какие традиции она развивает? Может быть, какие-то имена мэтров?*

— Из ближайших предшественников можно, пожалуй, выделить Изабель Хофмейр¹, почетного профессора африканских литератур Университета в Йоханнесбурге. Она признается пионером в области изучения глобальных, океанических, транснациональных форм культурной истории, в исследовании Индийского океана как локуса глобального Юга, граничившего с Тихим и Атлантическим океанами, ввела в научный оборот целый ряд новых категорий, как, к примеру, «гидроколониализм», новых познавательных инструментов, как, скажем, «причальное чтение», «видение сквозь воду». Первое связано с пониманием портовых городов, морских причалов как топоса интенсивных взаимодействий множества людей, прибывавших из самых разных уголков мира, из разных частей света, которые обменивались между собой рассказами о причудливых траекториях персональных жизненных судеб, гидрогеографии личных странствий; второе сопряжено с открытием части портовой инфраструктуры старых приморских городов под водой, на дне моря, что стало следствием подъема уровня мирового океана за последнее тысячелетие. Сферу своих научных интересов она обозначала тоже достаточно оригинально — «гуманитарная океанология» (Oceanic Humanities).

— *Вопрос, который носит скорее прагматический характер. Зачем, на Ваш взгляд, нужна история? Не как наука, а история как вузовский предмет. Что, например, не историки могут получить от преподавателя-медиевиста? Зачем сегодня нужны медиевисты в России?*

— Да, оправданный вопрос. История, в целом, история Средних веков, в частности, имеет глобальный характер². Сегодня нужны не национальные нарративы истории, а обсуждение универсальных феноменов (изменения климата, эпидемии, «зеленая», или даже «синяя», если речь идет о море, экономика и др.), универсальные вызовы внешней природной среды, на которые разными территориальными сообществами могли быть найдены несхожие ответы. Средневековая эпоха, независимо от места ее проявления, отличалась тонким пониманием договорной природы отношений между человеком и внешним миром, между разными группами людей. Уже сама по себе договороспособность предполагала признание другой стороны как потенциально равной, свободной и полноправной. Этим качеством средневековый мир радикально отличался от древности, в каковой различались люди и нелюди. Стало быть, люди — заведомо

¹ Hofmeyr I., Gupta P., Pearson M. (eds.). 2010. Eyes across the Water. Navigating the Indian Ocean. Pretoria: University of South Africa Press. 396 pp.

² Еманов А. Г. 2009. Есть ли смысл в медиевистских штудиях в российской провинции? // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. № 1. С. 11–15.

господа, а нелюди пригодны быть только рабами, только лишь обслугой; если последние становились «неправильными», обнаруживали свои собственные воления и желания, то их просто подвергали утилизации.

Надо сказать, что культура модерна восприняла многие ущербные идеи от Возрождения и Просвещения, когда не только античные идеалы, но и антиидеалы заново были подняты на щит, тогда произошел новый всплеск рабства в более худших и бесчеловечных формах, нежели в античности, стоит только вспомнить рабство афроамериканцев в США, лагеря беженцев, мигрантов в западном мире со всеми ужасами концлагерной жизни. И в этом плане средневековая культура представляет особый интерес.

— *Какие дисциплины в рамках университетского преподавания Вы предлагаете студентам, которые позволяют почувствовать всю эту актуальность Средневековья для нас сейчас?*

— Это тоже очень непростой вопрос. Первоначально я шел по пути специализации, всё большего дробления исторического знания. Поэтому я инициировал специализацию по истории Средних веков, затем магистратуру, аспирантуру и даже докторантуру по истории Средних веков. И эта логика специализации неизбежно выдвигала на первый план дисциплины, которые среди прочих исторических дисциплин до последнего времени занимали статус служебных, словно бы сервильных, вспомогательных исторических дисциплин. Среди таковых, мне казалось, первое место должна была занять латинская палеография, призванная научить читать средневековые тексты, особенно трудное для понимания готическое письмо с двойным изломом букв.

Затем мне казалось важным подойти к исторической картографии, научить навыкам чтения средневековых латинских карт. После попробовали подступиться к сигиллографии, к изучению средневековых латинских печатей; к нумизматике, к осмыслению монет средневековых эмитентов, прежде всего городов; к геральдике, к пониманию гербов средневековой эпохи.

В пору создания кафедры истории Древнего мира и Средних веков в Тюменском университете, где древности почти не было, и всё было заполнено медиевистикой и византиноведением, довелось общаться с Александром Черных, лучшим геральдистом позднего СССР и современной России. Меня поразила его фраза, что на самом деле не геральдика является вспомогательной исторической дисциплиной, а всеобщая история выступает вспомогательной исторической дисциплиной по отношению к геральдике. Это перевернуло всю оптику исторического познания. Сегодня более предпочтителен путь не дальнейшего дробления дисциплин, а наоборот, поиск интегральных метадисциплин. Так я пришел к конструированию принципиально иных курсов, охватывающих все эпохи и все регионы мира, например, «История перформативности», где анализируются перформативные практики от архаичных ритуалов, мистерий Осириса, к античным дионисийским празднествам и вакханалиям, далее к средневековым городским карнавалам и от них — к современным трендам повседневных представлений в публичных пространствах; курсу «Предгород — город — постгород», где рассматриваются судьбы урбанизации от эмбрионального состояния протогородских форм эпохи неолита — до футуристических форм постгородского существования.

— Александр Георгиевич, Вы заложили в университете основы изучения специальных дисциплин, которые развивают Ваши ученики. Может, Вы расскажете что-то об их достижениях, успехах, которых они достигли. У Вас всегда было много учеников.

— Не поверите, были эпизоды, когда весь курс в полном составе записывался на подготовку курсовых работ под моим руководством. Мне было даже трудно сформулировать такое количество тем. Конечно, ученики — наибольшая радость, ну и — наибольшие испытания.

Прежде всего, назову Михаила Деминцева¹. Он — необыкновенный эрудит, в студенчестве постоянно участвовал в олимпиадах по всеобщей истории, побеждал на Всероссийской олимпиаде, был награжден именными часами президента России; по-моему, это единственный эпизод в истории нашего университета. С первого курса увлекся историей Византии, писал у меня курсовые работы, изучал наследие Георгия Пахимера, яркого интеллектуала эпохи Палеологовского Возрождения, занимался древнегреческим языком, пробовал разобраться со среднегреческим. В аспирантуре он выиграл грант серьезного фонда, полгода стажировался в Институте всеобщей истории РАН у Юрия Вина, провел оцифровку «Ромейской истории» Георгия Пахимера, что потребовало разработки специальной программы распознавания греческих букв с диакритикой. Пахимеров текст, надо сказать, очень сложный, написан весьма изощренным языком, к тому же занимал тысячу страниц. К концу стажировки был получен полный словник этого византийского автора, где приводились все слова от «α» до «ω» с указанием частотности их употребления. И это сразу создало представление о подлинном масштабе творческой личности в Византии рубежа XIII–XIV вв. В словнике оказалось 35 000 слов. Для сравнения: словарь Александра Пушкина, составленный на основе не одного, как у Пахимера, а всех его произведений — 21 000. Для изучения политического мышления византийского интеллектуала были выделены наиболее значимые семантические поля, в них были определены ключевые термины, позитивные, негативные и гибридные контексты их употребления, частота их использования. На этой основе была создана ментальная карта политического сознания Пахимера. Эти предварительные итоги были показаны одному из лидеров в России в области разработки искусственных интеллектуальных систем, который заявил о возможности создания модели искусственного интеллекта византийца рубежа XIII–XIV вв., который, исходя из горизонта своего знания, был бы способен отвечать на самые сложные вопросы историка. Но эта мысль осталась нереализованной мечтой...

У Михаила появились публикации в признанных в мире византистики журналах — «Byzantinoslavica», «Зборник радова Византолошког института», читал курс «Истории Византии», дававший понимание сегодняшних проблем Святых земель, Балкан, Кавказа. И тут он решил радикально изменить жизненную траекторию, прошел строгий отбор кандидатов в Департамент недропользования и экологии Тюменской области. Конечно, я рад за областное правительство — оно приобрело незаурядного интеллектуала, но я огорчен за Тюменский университет, потерявший ценного и многообещающего молодого византиниста.

¹ Деминцев М. С. 2004. Политические воззрения Георгия Пахимера: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень: ТюмГУ. 24 с.

Из моих учеников выделил бы еще Фёдора Корандея¹. Он начал заниматься у меня с первого курса, увлекся изучением кельтских плаваний. Я поддержал это его стремление. Фёдор — поэтическая натура, увлекающаяся самыми необычными сюжетами, он обратился к изучению ирландского монашеского опыта визионерских плаваний в потусторонний мир, воображаемого посещения мистических островов блаженных. Он подошел к постижению таких особых ирландских феноменов, как «топофилия» и «топофобия», когда подобные термины еще не были в ходу, не набрали оборотов интеллектуальной моды. В аспирантские годы у него были гранты разных фондов, он стажировался в Москве и Петербурге. В Российской национальной библиотеке им был выявлен самый ранний рукописный текст «Плавания святого Брендана», который тогда еще никем не исследовался и не был известен западным специалистам. Он оцифровал этот памятник. Активно занимался его переводом, что-то вошло в его кандидатскую диссертацию.

Меня поражает его дальнейшая интеллектуальная трансформация. Он занялся составлением корпуса западных травелогов в Сибирь с описанием Тюмени с XV по XIX в. В ходе этой работы он пришел к идее долгого Средневековья, которое продолжалось вплоть до появления индустриальных средств коммуникации и логистики (пароходный, железнодорожный, авиационный транспорт). Общество, жизненный уклад, сознание вплоть до этого оказывались достаточно традиционными, весьма консервативными. Радикальные изменения произошли только под воздействием транспортной революции индустриальной эпохи. Сейчас он переключился на изучение Северного морского пути.

Отрадно, что проблематика плаваний в северных широтах в последние годы нашла продолжение в диссертационном исследовании другого моего ученика — Анастасии Богдановой². Она рассмотрела средневековые ирландские «*immrama*» не как литературный вымысел, а как особый узус, в котором отразились заучивавшиеся наизусть, как стихи, морские лоции.

Назову и моего *vis-à-vis* — Дмитрия Байдужа³, изучающего эмблематику Немецкого ордена позднего средневековья, разработавшего курсы по сфрагистике, геральдике, визуальной истории...

Не могу не сказать о Сергее Козлове⁴. Он с первого курса заинтересовался скифской проблематикой, писал курсовые работы по скифам, занимался латинским и древнегреческим языками, однажды принес курсовую работу, титул которой был оформлен по-латински, чем меня весьма порадовал. Как-то я попросил его написать эссе на тему «Пить

¹ Корандей Ф. С. 2005. Паломничества в раннесредневековой ирландской традиции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень: ТюмГУ. 28 с.

² Богданова А. А. 2023. Исторический и культурный контексты средневековых ирландских *Immrama*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород: Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. 31 с.

³ Байдуж Д. В. 2007. Самосознание и эмблематика Немецкого ордена (конец XII — начало XIV вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень: ТюмГУ. 22 с.

⁴ Козлов С. А. 2012. Византийцы и тюркоязычные кочевники Восточной Европы в конце IX — начале XIII в. в византийской нарративной традиции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень: ТюмГУ. 28 с.

как скиф». И он принес яркий, убедительный текст о скифском состязании в питии, наиболее стойкие в этом испытании занимали самое высокое положение в обществе. Впечатлил образ огромного медного чана, наполненного хмельным напитком сома, в котором чрезмерно амбициозные спорщики захлебывались. Его дипломная работа была удостоена золотой медали РАН, которую он получал из рук тогдашнего президента академии Юрия Осипова, уроженца Тобольска. В аспирантуре ему пришлось переключиться на Средневековье, попросил проанализировать политоним «скифы» в византийских текстах. Начав с нуля, за три года он подготовил прекрасную диссертацию. После окончания аспирантуры не было возможности взять его на кафедру. Тогдашний ректор, Валерий Фальков, предложил ему выступить с проектом молодежной научно-исследовательской лаборатории на попечительском совете. Презентация проекта оказалась настолько убедительной, что совет единогласно его поддержал.

— *Давайте перейдем от микроуровня к макро. Как бы Вы ответили на вопрос о возможном будущем российской медиевистики в меняющемся мире?*

— Несмотря на ряд болезненных явлений последних лет — отъезд части медиевистов молодого и творчески самого активного возраста за границу, отход маститых ученых от академических дел по возрасту, — у российской медиевистики сохраняется тренд роста творческого потенциала. Я сужу по нескольким индикаторам: по количеству проектов с медиевистической исследовательской повесткой, поддержанных РФФИ; по росту количества и качества изданий книг, монографий, переводов источников медиевистической тематики; по переполненности медиевистическими сюжетами общеисторических журналов; по нарастающей конференционной активности медиевистов.

— *Чем ценна была советская медиевистика? В силу чего она была так востребована? Что было ее стержнем, знаком качества?*

— Вы знаете, я много размышлял над тем, как российским медиевистам советской эпохи удавалось сохранять высокий научный уровень, без регулярных поездок за границу, без обширнейшей западной периодики по медиевистике, без живого общения с зарубежными учеными, как им удавалось быть конкурентоспособными с западными коллегами, поскольку они действовали на чужом поле, тогда как западные медиевисты работали на своем собственном поле: французы, конечно же, углубленнее всего изучали историю Франции, немцы — историю немецких земель, англичане — историю Англии, испанцы — историю испанских королевств ... где они были непревзойденными асами. Результаты исследований российских медиевистов, на самом деле, были исключительно важны и значимы для их западных коллег. Они позволяли им отстраненно, с дистанции, оценивать свое собственное прошлое и, соответственно, настоящее, корректировать образ своей истории, преодолевая патристически деформированные мифологемы. Для российского медиевиста изучение латинского и византийского средневековья приобретало вообще экзистенциальный смысл, позволяло определять контуры социального существования стремительно менявшейся советской России. Без преувеличения, история вообще и медиевистика в частности приобрели в СССР смысл стратегического ресурса. Посудите сами, в 1942 г., когда весь мир в напряжении ждал, чем закончится Сталинградская битва, крупнейшая битва Второй мировой

войны, начал выходить журнал «Средние века». В 1943 г., еще до капитуляции армии Паулюса под Сталинградом, Михаил Сюзюмов в Свердловске, в Уральском университете, где в эвакуации находились профессора МГУ, с блеском защитил кандидатскую диссертацию по эпохе иконоборчества в Византии, закончившейся, как известно, восстановлением иконопочитания. Кандидатские диссертации тогда имели гораздо больший вес, чем сейчас, способны были оказывать реальное воздействие на общественные изменения. Не удивительно, что в это же время был восстановлен статус Русской православной церкви, была возрождена патриархия, которая исчезла в пору петровских реформ, вновь в русскую общественную жизнь возвратились иконы. Одну из них, икону Казанской Божией Матери, на самолете провезли вокруг Сталинграда, после чего чаша весов в сталинградском противостоянии склонилась в пользу Красной армии... Перед лицом таких масштабных экзистенциальных вызовов советский историк-медиевист совершенно иначе себя вел: в отличие от его западноевропейских коллег, ему абсолютно не важны были условия жизненного комфорта, не существенна была еда, ему не страшны были никакие тяготы и лишения. Сам облик Сюзюмова, сохранившийся до старости, выразительно говорил об этом: худое лицо с глубоким проникновенным взглядом, истощенное тело в сильно поношенной одежде. Его образ изоморфен восковой скульптуре русского воина Второй мировой войны в Имперском военном музее Лондона — скелет, обтянутый кожей, на котором, как на вешалке, висит шинель; это образ человека, который всё пожертвовал на алтарь отечества, ради победы. Никакой западный медиевист ничем не готов был жертвовать.

— Можно вспомнить разве что Марка Блока, героя французского Сопротивления, который написал свое знаменитое «Ремесло историка», находясь в окопах, без архивов и рукописей, без книг, без журналов, обращаясь только к своей эрудиции и памяти...

— Да, для Запада это — единичный случай. Для России же это — норма. В этом году мне довелось побывать в Нижнем Новгороде, там как раз защищалась моя ученица Анастасия Богданова. Там в Государственном архиве Нижегородской области соприкоснулся с документами личного фонда профессора Николая Соколова.

— Венецией занимался?

— Именно. Он и выглядел так же — чрезмерная худоба, старая изношенная одежда. В том же 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию. Тогда же было принято решение о создании византийской группы в Институте истории Академии Наук СССР, ставилась задача восстановить российское византиноведение. Он ввел понятие «Венецианская колониальная империя», что может показаться оксюмороном, поскольку Венеция была республикой, причем одной из самых старых и устойчивых. В его же концепции понятие «империя» приобретало другое значение — морское могущество, военно-морская сила, способная отстоять все свои самые отдаленные заморские поселения. Венеция отличалась удивительной способностью вовлечь в «имперостроительство» самые различные народы Пелопоннеса, Балкан, Малой Азии, Кавказа и даже нижнего Подонья. Его размышления оказались весьма востребованы в контексте созидания видоизмененной «советской империи», конструирования под ее главенством альянса стран Варшавского договора.

— Если отойти от наших научных вопросов и обратиться к человеческому аспекту. В чем секрет Вашей молодости, как удается сохранять такую потрясающую работоспособность? Сколько помню, в восемь часов Вы уже на работе, трудитесь просто безостановочно. Как Вы живете? Каков ритм Вашей жизни? Что способствует такой продуктивности? Поделитесь секретом.

— Попробую ответить с предельной ясностью. Любите свое ремесло, любите тех, кто проявляет к нему интерес. Учеников надо любить, не критиковать, не ругать, а находить слова поддержки. Тогда с ними возможно чудо преображения, а оно отразится и на вас.